

-
- бесплатный массаж плеч за 15 минут, ...
 - непревзойденные блюда азербайджанской кухни,
 - настоящий турецкий кофе,
 - шикарная стоянка для твоего авто!

Путник, остановись и подумай: стоит ли спешить дальше?»²⁴⁷.

Приведенный текст рекламного объявления свидетельствует о прямом намерении владельцев придорожного места рекреации (скорее всего, небольшого отеля) оказать дискурсивное воздействие на участников автомобильного травелога, с целью побудить их посетить данное заведение. Само объявление выступает ярким примером перформативного дискурса, функционирующего внутри знаковой системы автомобильного травелога.

К сожалению, авторы работы ограничили свой лингвосомиотический анализ травелога исключительно изучением внутридорожных перформативных дискурсов, не выходя во внешнюю сферу – в область перформативных дискурсов, связанных с обзором достопримечательностей и встреч с людьми, проживающих на обследуемых территориях.

Отметим, что «внешние» перформативные дискурсы автомобильного травелога, бесспорно, широко присутствуют в видеофильмах об автомобильных путешествиях, в которых главной целью выступает составление визуально отчета об образе жизни людей в других странах. Ярким тому примером служат автомобильные травелоги В. Познера и И. Урганта по Северной Америке, Франции и Италии. В них буквально все сюжеты выступают манифестациями дискурсов перформативного характера. Однако для их подробного анализа потребуется отдельное исследование, которому мы собираемся посвятить наши последующие работы.

2.4. Кратологический и аксиологический аспекты дискурса травелога

Говоря о кратологическом аспекте дискурса травелога, мы очевидным образом намекаем, что он связан с некой *властью* или обладает таковой²⁴⁸. Понимая власть в общефи-

²⁴⁷ Там же. С. 46.

²⁴⁸ Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный

лософском плане как *способность субъекта навязать свою волю объекту*, используя для этого различные средства (*силу* или угрозу ее применения, *материальное богатство* в натуральной или денежной форме, *убеждение* как воздействие с помощью знаний, как *внушение* с помощью чувств и, наконец, *социальные институты* – обычаи, традиции, организации и учреждения), мы неизбежно обнаруживаем, что *дискурс* травелога тесно связан с феноменом общественной и государственной власти.

Всякое повествование (нарратив) неизбежно «вплетен» в систему определенных регуляторов человеческого поведения в обществе²⁴⁹. Хорошо известно, что рассказывать в обществе что-либо без соблюдения определенных правил построения нарративного дискурса нежелательно, а в ряде случаев просто запрещено. Существуют определенные виды ответственности за речь: юридическая, моральная, нравственная, политическая, религиозная и т.п. Поэтому не всякое повествование о путешествии будет уместным и воспринято правильно. Исповедь о совершенных в прошлом (на жизненном пути) поступках может быть воспринята как признание в совершении противоправного или аморального деяния.

Дискурс травелога обладает *властно-распорядительным ресурсом*: любая экспедиция предполагает целый комплекс необходимых и совершенно неизбежных мероприятий – определение целей, маршрута, сроков, состава участников, материального и информационного обеспечения, взаимодействия на случай форс-мажора. Современные лоции, карты и справочники содержат предписания, обязательные к их выполнению. Гиды и путеводители специально предписывают Путнику придерживаться определенного маршрута, соблюдать те или иные правила продвижения, сообщают, что следует игнорировать, отбрасывать, а что фиксиро-

анализ. Сер.: «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 162.

²⁴⁹ Вряд ли нарратив уместен вне человеческого общества: даже отправленное послание (рассказ о человечестве) внеземным цивилизациям, которые встретятся межпланетной космической станции «Пионер-10» (1972) на ее пути к Альдебарану, будет все-таки исходить из идеи возможного контакта (отправителя и адресата) (http://www.nasa.gov/mission_pages/pioneer/).

вать и брать на вооружение, что можно приобрести, а что не рекомендуется.

Особенно отчетливо кратологический (властно-распорядительный) аспект дискурса травелога проявляется в системах, становящихся и затвердевающих в форме *социальных институтов* – странноприимные дома и приюты, турфирмы и страховые компании, межправительственные соглашения и традиции гостеприимства, распространение и усвоение языков межэтнического, межплеменного, межнационального общения. Правовое регулирование всевозможных перемещений и передвижений весьма разнообразно и детально проработано:

а) запреты и предписания о местах экстренного (чрезвычайного) передвижения, обозначаемые табличками «Exit», «Emergency», «No Entry», «No Go Area» и т.д.;

б) всевозможные инструкции по спасению туристов, путешествующих по суше и по морю и т.п., указания, что делать и чего не делать, к примеру, предписание в случае наступления опасности – звонить в службу спасения по номеру 911 и т.п.;

в) утверждать маршруты передвижения групп туристов, отдыхающих и т.п., от которых те не имеют право отклоняться.

Речь идет о сформированной в обществе системе *норм и правил* (как писанных, юридических, на охране которых стоят государственные институты, так и неписанных, опирающихся на авторитет общественного мнения), задающей пространство и способы максимально возможного бесконфликтного общения и взаимодействия людей, могущих приобщаться к нормам и ценностям (религиозным, культурно-историческим, нравственным, политическим и т.п.) непривычных и даже первоначально чуждых для них культур.

Более того, властно-распорядительный ресурс дискурса травелога *предписывает* юношам из благородных семейств отправляться в заграничное путешествие, дабы набраться «ума-разума» и жизненного опыта. В течение такого путешествия *они обязаны* либо регулярно писать родителям (отчеты-описания проделанного пути), либо вести дневник, либо и то и другое вместе.

Проделанный географический или жизненный путь необходимо было изложить в виде некоего повествования, весьма ценного в дискурсе травелога с точки зрения осуществления саморефлексии, извлечения жизненного опыта в назидание другим. Так, ушедшие в отставку военные, государственные и гражданские политические деятели, садились писать

мемуары. Тем более это занятие было важным для ученых дабы не пропали втуне плоды их изысканий, представления о правильных и ложных путях к истине и о значении и роли множества факторов, о которых не принято говорить в официальных отчетах.

Особенный властно-распорядительный ресурс присущ всякого рода *методическим наставлениям и самоучителям*, картам-схемам и лоциям: требования и правила, сформулированные в документах данного рода, подлежат обязательному исполнению. Уклонения влекут серьезные последствия.

Наряду с кратологическим аспектом дискурса травелога, в нем глубоко укоренен и разнообразен *аксиологический аспект*. Он получил серьезную разработку в культурной истории самосознания человечества.

Прежде всего, универсальный характер имеет идея *ценности* путешествия, но не только самого путешествия, а именно – переживания и, соответственно, продумывания и *повествования о путешествиях*. Важен артикулированный опыт путешествия. И, коль скоро, дискурс травелога обладает архетипическими чертами – он амбивалентен, в том смысле, что изначально ценность не предопределена – положительная она или отрицательная. Как мы уже говорили в главе о концептах травелога – может быть ситуация не только «позитивного» опыта странствий, но и негативного: что называется, «горький хлеб изгнания», чужбины и беженства. Предельным выражением такого негативного опыта в иудео-христианской традиции выступает образ Агасфера, «вечного жида», когда Путь окончательно и бесповоротно побеждает Путника. Путешествие превращается в бегство, а Путник – в вечного беженца. Тогда начинается «дурная бесконечность» и «скука вечности». В сущности, в этой непрерывной маете непрестанного бегства ничего не происходит и повествовать здесь уже не о чем.

И все-таки, ценность путешествия, в котором происходит перерождение Путника, имеет исключительно важное значение в культурном плане, и потому все великие и малые путешествия, когда-либо свершившиеся, вновь и вновь нами рассказываются и пересказываются. Мы мысленно-практическим способом поворачиваем их так и сяк, пытаясь усилить «оптику» их рассмотрения, переосмыслить с высоты нового обретенного опыта²⁵⁰.

²⁵⁰ Множество замечательных примеров можно привести

Ценность именно травелога – повествования о путешествии, пройденном пути, а не о самом путешествии, – выражена в мировой литературе предельно разнообразно.

С Древности хорошо известен архетип (схематизм) путешествия молодого человека как обязательный элемент его становления как личности, обретения им необходимого жизненного опыта. Вспомним знаменитое предание о беседе Платона с египетским жрецом, в котором последний как раз и подчеркивает значимость подобного действия: «Вы, греки, как дети и нет у вас учения, поседевшего от времени». Поиски опыта не обязательно упираются в обретение «учения, поседевшего от времени». Обычно под ними подразумевается важный и необходимый этап формирования личности, «воспитания чувств»²⁵¹. Антиподом этого схематизма выступает другой: местечковая ограниченность и частная заскорузлая тупость, вплоть до идиотизма²⁵².

Действительно, опыт переживания странствий (в поисках ли сведений об окружающем мире, в поисках ли самого себя) преобразует личность, в пределе, возводя ее на мировой, общечеловеческий уровень. А травелог, повествование об этом, помогает пережить этой личности и нам следом за ней – катарсис.

в подтверждение данного тезиса, в том числе, например, работу С. С. Аверинцева о Плутархе, об его знаменитых «Жизнеописаниях», т.е., в сущности, о травелогах (См.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. 276 с.).

²⁵¹ Вспомним хрестоматийные «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина или «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Другая сторона таких травелогов ярко представлена М. Твенем в его «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (The Innocents Abroad, or The New Pilgrims' Progress).

²⁵² Понятно, что речь идет не столько о персонажах типа «г-жи Простаковой», заявляющей – «зачем мне география, когда есть извозчики», или Кабанихи, черпающей от каликов переходящих достоверные сведения о землях, «где люди с песьими головами», сколько о древнегреческом смысле понятия «идиот» (человек, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и в иных формах государственного и общественного демократического управления), которое со временем пригодились для обозначения людей, страдающих глубокой формой умственной отсталости.

Часто на первый план в дискурсе травелога выступает сама *ценность путешествия* (Пути для Путника)²⁵³, при этом выделяются:

а) *врачующая сила* путешествия, которая, в частности, выражается в сюжетах бегства за границу знаменитых литературных героев XIX века с целью «залечить» их душевные раны, уйти от бездушно-удушливой атмосферы отупляющей повседневности с ее давно проложенными другими людьми жизненными тропами, установленными другими признаками (или призраками) жизненного успеха и личной состоятельности (герой Байрона – Чайльд Гарольд, Александр Чацкий из «Горе от ума» Грибоедова, пушкинский Евгений Онегин и др.);

б) *спасающая сила* путешествия – бегство от политических и религиозных преследований в изгнание (А. Герцен, П. Кропоткин);

в) *страсть к приключениям*²⁵⁴, породившая специальную «литературу приключений» – от всевозможных «робинзонад» до авантюрно-бытового романа XVIII в., романтической приключенческой литературы XIX и XX вв. во всем блеске ее жанрового многообразия.

Отдельно необходимо отметить путешествия в *познавательных целях*, изучение неведомых прежде стран и народов (от Геродота, Страбона, Плиния, Тацита, до описаний экспедиций и путевых записок великих и малых первопроездов и первооткрывателей). Выражением ценности путешествия здесь выступают рациональная и эмоциональная формы оценки данных, собранных благодаря травелогу и связанные с этим чувственные переживания участников травелога: именно переложенный в формы индивидуально-чувственного опыта или универсальных категорий научного знания опыт переживания и осмысления всего свершившегося в Пути, делает эти нарративы такими ценными и притягательными. Остается только догадываться, как много путешествий и приключений человечество пережило в своем непре-

²⁵³ Сапрыкина Е.Ю., Шпагин П.И. Путешествие // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. Т. 6. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. С. 86–89.

²⁵⁴ Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 973–974.

рывном глобальном «антропотоке», которые так и остались «белыми пятнами» во всемирной памяти человечества, поскольку не были рассказаны (или эти рассказы в силу каких-то причин оборвались). И, наоборот, остается восхищаться тому, сколько же совершилось фантастических, вымышленных путешествий за всю писаную историю человечества – от «Беседы разочарованного со своей душой», «Рамаяны» и «Махабхараты» до «Утопии», «Новой Атлантиды», «Города Солнца», «Путешествия из пушки на Луну», «Двадцать тысяч лье под водой» и далее – до «Туманности Андромеды», «Возвращения со звезд», «Магелланова облака», которые оказали невероятно мощное воздействие на ценностные ориентации, мысли и дела человеческие.

Ценность *обретенного опыта* (как положительного, так и отрицательного) в процессе прохождения Пути (пространственно-временного, географического, цивилизационно-исторического или жизненного), выражается в судьбоносных дискурсивных формулах: «как мы потеряли Россию», «как я стал таким (богатым/умным/красивым/храбрым и т.п.)», а также – в рассказах о преодолении житейских, бытовых и иных трудностей, встречаемых во время путешествий. Особенно ценен опыт, обретенный во время встреч и знакомств с незнакомыми людьми, связанный с погружением в их быт и повседневность. Здесь происходит переосмысление собственного образа жизни, обогащение его новыми чувствами, переживаниями и представлениями о мире и о себе.

В дискурсе мемуарной литературы особенно важны ценностные аспекты рассказов о событиях и переживаниях, взятые из личного опыта авторов, которые транслируются читающей публике²⁵⁵. Ценностные аспекты повествования о лично пережитом, о том, чему автор мемуаров был лично свидетелем, а тем более – выступал в качестве непосредственного участника – находят своё аксиологическое выра-

²⁵⁵ Мемуары // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890–1907. Т. XIX (1896). С. 70–74. Этот процесс не сразу сформировал свое субъективно-личностное, смысложизненное ориентирующее ядро и содержание: еще Ламеттри пользовался термином «Мемуар о дизентерии» (*Oeuvres philosophiques de La Mettrie / by La Mettrie, Julien Offray de, 1709–1751*).

жение в реализации функции смысложизненного ориентирования, которая достигается путем проведения сопоставления собственного опыта переживаний с чужим, иным жизненным опытом²⁵⁶.

Большим потенциалом переориентации читателей на жизненные ценности народов других стран обладают травелоги, в которых главные герои осуществляют спонтанные «прыжки» в иную реальность. Так, к примеру, Питер Майль, благодаря своему рассказу «Год в Провансе» (1989), в котором герой совершает свой побег из темной и промокшей Англии в солнечный Прованс (юг Франции), не только создал особый субжанр рассказов в стиле «необычное – рядом!», но и породил тьму подражателей, которые наводнили солнечные провинции Франции. Такому же набегу подражателей подверглась Тоскана в Италии, благодаря «обольстительным книгам Фрэнсис Мэйес»²⁵⁷.

Отечественная литература в XIX и XX вв. породила целую серию травелогов, приводящую к массовым формам подражания его героям. К ним можно отнести «Записки охотника» И.С. Тургенева²⁵⁸, «Владимирские проселки» В. Солюхина и др. В Великобритании похожую реакцию вызвали рассказы У. Хадсона «Пешком по Англии»²⁵⁹.

Несмотря на определенные издержки жанра «записок» в травелог, он неизменно вызывает огромный интерес у публики и сопровождается попытками использования его в самых различных целях (для реабилитации, «восстановления правды», разоблачения и просто с целью «оставить след»). В итоге дискурс травелога транслирует устойчивую ценностно-привлекательную систему воззрений и чувств,

²⁵⁶ Bruce Chatwin. In Patagonia. 1977. Как известно, бывший аукционист Sotheby's, эрудит Брюс Чатвин покинул лондонский журнал Sunday Times телеграммой своему редактору («уехали в Патагонию»).

²⁵⁷ См., например: Мэйес Ф. Под солнцем Тосканы / перевод Топчий Е.В. М.: Издательство Эксмо, 2020. 370 с.

²⁵⁸ Русаков В.М. Образ России в травелог И.С. Тургенева «Записки охотника» // Образно-ментальный мир России: вчера, сегодня, завтра [Текст]: материалы II Междунар. науч. очно-заочной конф. / [отв. ред. В.В. Егоров]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. С. 114–119.

²⁵⁹ Hudson W.H. Afoot in England / W.H. Hudson. URL: <http://www.gutenberg.org/5/4/0/5406/>.

способных находить практический отклик в культурной жизни больших масс людей.

2.5. Институциональный аспект дискурса травелога

Разнообразные акторы травелога, совершая творческое освоение социокультурного пространства, действуют, во-первых, в институциональной сфере общественной жизни, во-вторых, сами собственными усилиями осуществляют институализацию процесса производства определенных видов и жанров травелога. Рассмотрим каждый из этих двух направлений, отвечающих за формирование и реализацию институционального аспекта дискурса травелога.

В основе нашего подхода к выделению институционального аспекта дискурса травелога лежит положение о том, что данный дискурс представляет собой властный ресурс, выступающий как система способов означивания, дескрипции (описания), интерпретаций и оценок социальных субъектов и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами. Теоретическим основанием предлагаемой в настоящем разделе нашей работы институциональной концепции дискурса травелога являются, прежде всего, работы М. Фуко и П. Бурдьё.

У Фуко, институциональный дискурс трактуется как поле дискурсивных практик (Фуко использует термин «дискурсивная формация»), которые властно навязывают обществу определенную шкалу оценок, устанавливают режимы коммуникации и порядок мышления, дисциплинируют разум и чувства, структурируют объекты посредством отделения нормы от ненормы, нормального от ненормального, разделяют людей по статусно-ролевым и иерархическим признакам. Фуко, к примеру, пишет, что в XVIII веке в Европе устанавливается дисциплинарно-педагогическая система церковной власти, направленная на установление собственного контроля над телесными сексуальными практиками: «...была предпринята попытка привить руководство совести и исповедь, все эти новые формы религиозного опыта, в среде дисциплинарных механизмов, которые в эту же эпоху были введены в казармах, школах, больницах и т. д.»²⁶⁰.

²⁶⁰ Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных